

ШКОЛЬНАЯ

БИБЛИОТЕКА

Рудольф Эрих Распе

**ПРИКЛЮЧЕНИЯ
барона
МЮНХГАУЗЕНА**

ПРОИЗВЕДЕНИЕ ПЕЧАТАЕТСЯ БЕЗ СОКРАЩЕНИЙ

Рудольф Эрих Распе

**ПРИКЛЮЧЕНИЯ
БАРОНА
МЮНХГАУЗЕНА**

Пересказ Корнея Чуковского

Художник
Ольга Подвилова

САМЫЙ ПРАВДИВЫЙ ЧЕЛОВЕК НА ЗЕМЛЕ

Маленький старичок с длинным носом сидит у камина и рассказывает о своих приключениях.

Его слушатели смеются ему прямо в глаза;

– Ай да Мюнхгаузен! Вот так барон!

Но он даже не смотрит на них.

Он спокойно продолжает рассказывать, как он летал на Луну, как он жил среди трёхногих людей, как его проглотила огромная рыба, как у него оторвалась голова.

Однажды какой-то проезжий слушал-слушал его и вдруг закричал:

– Всё это выдумки! Ничего этого не было, о чём ты рассказываешь.

Старичок надулся и важно ответил:

– Те графы, бароны, князья и султаны, которых я имел честь называть лучшими своими друзьями, всегда говорили, что я самый правдивый человек на Земле.

Кругом захохотали ещё громче.

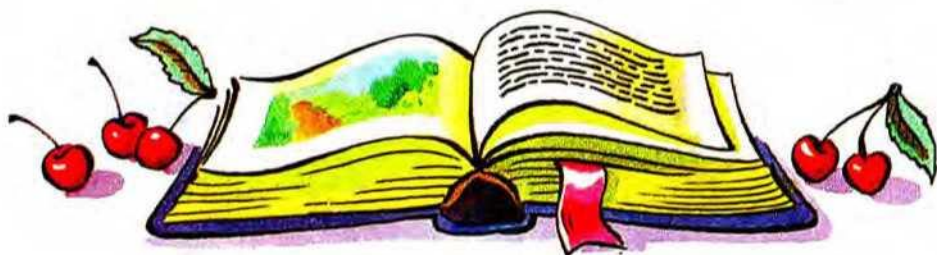
– Мюнхгаузен – правдивый человек! Ха-ха-ха! Ха-ха-ха! Ха-ха-ха!

А Мюнхгаузен как ни в чём не бывало продолжал рассказывать о том, какое на голове у оленя выросло чудесное дерево.

– Дерево?.. На голове у оленя?!

– Да. Вишнёвое. И на дереве вишни. Такие сочные, сладкие...

Все эти рассказы напечатаны здесь, в этой книге. Прочтите их и судите сами, был ли на Земле человек правдивее барона Мюнхгаузена.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

КОНЬ НА КРЫШЕ

Я выехал в Россию верхом на коне.

Дело было зимою. Шёл снег.

Конь устал и начал спотыкаться. Мне сильно хотелось спать. Я чуть не падал с седла от усталости. Но напрасно искал я ночлега: в пути не попало мне ни одной деревушки.

Что было делать?

Пришлось ночевать в открытом поле.

Кругом ни куста, ни дерева. Только маленький столбик торчал из-под снега.

К этому столбику я кое-как привязал своего озябшего коня, а сам улёгся тут же, на снегу, и заснул.

Спал я долго, а когда проснулся, я увидел, что лежу не в поле, а в деревне или, вернее, в небольшом городке: со всех сторон меня окружают дома.

Что такое? Куда я попал? Как могли эти дома вырасти здесь в одну ночь?

И куда девался мой конь?

Долго я не понимал, что случилось. Вдруг слышу знакомое ржание. Это ржёт мой конь.

Но где же он?

Ржание доносится откуда-то сверху.

Я поднимаю голову – и что же?

Мой конь висит на крыше колокольни! Он привязан к самому кресту!

В одну минуту я понял, в чём дело.

Вчера вечером весь этот городок, со всеми людьми и домами, был занесён глубоким снегом, и наружу торчала только верхушка креста.

Я не знал, что это крест, мне показалось, что это – маленький столбик, и я привязал к нему моего усталого коня! А ночью, пока я спал, началась сильная оттепель, снег растаял, и я незаметно опустился на землю.

Но бедный мой конь так и остался там, наверху, на крыше. Привязанный к кресту колокольни, он не мог спуститься на землю.

Что делать?

Недолго думая, хватаю пистолет, метко прицеливаюсь и попадаю прямо в уздечку, потому что я всегда был отличным стрелком.

Уздечка – пополам.

Конь быстро спускается ко мне.

Я вскакиваю на него и, как ветер, скачу вперёд.

ВОЛК, ЗАПРЯЖЁННЫЙ В САНИ

Но зимою скакать на коне неудобно, – гораздо лучше путешествовать в санях. Я купил себе очень хорошие сани и быстро понёсся по мягкому снегу.

К вечеру въехал я в лес. Я начал уже дремать, как вдруг услышал тревожное ржание лошади. Я оглянулся и при свете луны увидел страшного волка, который, разинув зубастую пасть, бежал за моими санями.

Надежды на спасение не было.

Я лёг на дно саней и от страха закрыл глаза.

Лошадь моя неслась как безумная. Щёлканье волчьих зубов раздавалось у меня над самым ухом.

Но, к счастью, волк не обратил на меня никакого внимания.

Он перескочил через сани – прямо у меня над головой – и набросился на мою бедную лошадь.

В одну минуту задняя часть моей лошади исчезла в его прожорливой пасти.

Передняя часть от ужаса и боли продолжала скакать вперёд.

Волк въедался в мою лошадь всё глубже и глубже.

Когда я пришёл в себя, я схватил кнут и, не теряя ни минуты, стал хлестать ненасытного зверя.

Он завыл и рванулся вперёд.

Передняя часть лошади, ещё не съеденная волком, выпала из упряжки в снег, и волк оказался на её месте – в оглоблях и в конской сбруе!

Вырваться из этой сбруи он не мог: он был запряжен, как лошадь.

Я продолжал стегать его что было силы.

Он мчался вперёд и вперёд, таща за собой мои сани.

Мы неслись так быстро, что уже через два-три часа въехали галопом в Петербург.

Изумлённые петербургские жители толпами выбегали смотреть на героя, который вместо лошади запряг в свои сани свирепого волка.

В Петербурге мне жилось хорошо.

Я часто ходил на охоту и теперь с удовольствием вспоминаю то весёлое время, когда со мною чуть не каждый день случалось столько чудесных историй.

Одна история была очень забавна.

Дело в том, что из окна моей спальни был виден обширный пруд, где водилось очень много всякой дичи.

Однажды утром, подойдя к окну, я заметил на пруду диких уток. Мигом схватил я ружьё и сломя голову выбежал из дому.

Но впопыхах, сбегая с лестницы, я ударился головою о дверь, да так сильно, что из глаз у меня посыпались искры.

Это не остановило меня.

Я побежал дальше. Вот наконец и пруд. Прицеливаюсь в самую жирную утку, хочу выстрелить – и, к ужасу моему, замечаю, что в ружье нет кремня. А без кремня невозможно стрелять.

Побежать домой за кремнём?

Но ведь утки могут улететь.

Я печально опустил ружьё, проклиная свою судьбу, и вдруг мне пришла в голову блестящая мысль.

Изо всей силы я ударил себя кулаком по правому глазу. Из глаза, конечно, так и посыпались искры, и порох в то же мгновение вспыхнул.

Да! Порох вспыхнул, ружьё выстрелило, и я убил одним выстрелом десять отличнейших уток.

Советую вам всякий раз, когда вы вздумаете развести огонь, добывать из правого глаза такие же искры.

УДИВИТЕЛЬНАЯ ОХОТА

Впрочем, со мною бывали и более забавные случаи.

Как-то раз я пробыл на охоте весь день и к вечеру

набрёл в глухом лесу на обширное озеро, которое так и кишело дикими утками. В жизнь свою не видел я такого множества уток!

К сожалению, у меня не осталось ни одной пули.

А я как раз этим вечером ждал к себе большую компанию друзей, и мне хотелось угостить их дичью. Я вообще человек гостеприимный и щедрый. Мои обеды и ужины славились на весь Петербург. Как я вернусь домой без уток?

Долго я стоял в нерешительности и вдруг вспомнил, что в моей охотничьей сумке остался кусочек сала.

Ура! Это сало будет отличной приманкой! Достаяю его из сумки, быстро привязываю его к длинной и тонкой бечёвке и бросаю в воду.

Утки, увидев съестное, тотчас же подплывают к салу.

Одна из них жадно глотает его.

Но сало скользкое и, быстро пройдя сквозь утку, выскакивает у неё позади!

Таким образом утка оказывается у меня на верёвочке.

Тогда к салу подплывает вторая утка, и с ней происходит то же самое.

Утка за уткой проглатывают сало и надеваются на мою бечёвку, как на нитку. Не проходит и десяти минут, как все утки нанизаны на неё, словно бусы.

Можете себе представить, как весело было мне смотреть на такую богатую добычу! Мне оставалось только вытащить пойманных уток и отнести к моему повару на кухню.

То-то будет пир для моих друзей!

Но тащить это множество уток оказалось не так-то легко.

Я сделал несколько шагов и ужасно устал. Вдруг – можете представить себе моё изумление! – утки взлетели на воздух и подняли меня к облакам.

Другой на моём месте растерялся бы, но я человек храбрый и находчивый.

Я устроил руль из моего сюртука и, управляя утками, быстро подлетел к дому.

Но как спуститься вниз?

Очень просто! Моя находчивость помогла мне и здесь. Я свернул несколькими уткам головы, и мы начали медленно опускаться на землю.

Я попал как раз в трубу моей собственной кухни! Если бы вы только видели, как был изумлён мой повар, когда я появился перед ним в очаге!

К счастью, повар ещё не успел развести огонь.

КУРОПАТКИ НА ШОМПОЛЕ

О, находчивость – великая вещь! Как-то мне случилось одним выстрелом подстрелить семь куропаток. После этого даже враги мои не могли не признать, что я – первый стрелок на всём свете, что такого стрелка, как Мюнхгаузен, ещё никогда не бывало!

Дело было так.

Я возвращался с охоты, истратив все свои пули. Вдруг у меня из-под ног выпорхнуло семь куропаток. Конечно, я не мог допустить, чтобы от меня ускользнула такая отличная дичь.

Я зарядил моё ружьё – чем бы вы думали? – шомполом! Да, обыкновеннейшим шомполом, то есть железной круглой палочкой, которой прочищают ружьё!

Затем я подбежал к куропаткам, вспугнул их и выстрелил.

Куропатки взлетели одна за другой, и мой шомпол проткнул сразу семерых. Все семь куропаток свалились к моим ногам!

Я поднял их и с изумлением увидел, что они – жареные! Да, они были жареные!

Впрочем, иначе и быть не могло: ведь мой шомпол сильно нагрелся от выстрела, и куропатки, попав на него, не могли не изжариться.

Я сел на траву и тут же пообедал с большим аппетитом.

ЛИСИЦА НА ИГОЛКЕ

Да, находчивость – самое главное в жизни, и не было на свете человека находчивее барона Мюнхгаузена.

Однажды в русском дремучем лесу мне попалась чёрно-бурая лисица.

Шкура этой лисицы была так хороша, что мне стало жаль портить её пулей или дробью.

Не медля ни минуты, я вынул пулю из ружейного ствола и, зарядив ружьё длинной сапожной иглой, выстрелил в эту лисицу. Так как она стояла под деревом, игла крепко пригвоздила её хвост к самому стволу.

Я не спеша подошёл к лисице и начал хлестать её плёткой.

Она так ошалела от боли, что – поверите ли? – выскочила из своей шкуры и убежала от меня нагишом. А шкура досталась мне целая, не испорченная ни пулей, ни дробью.

СЛЕПАЯ СВИНЬЯ

Да, много бывало со мною всяких удивительных случаев!

Пробираюсь я как-то раз через чащу дремучего леса и вижу: бежит дикий поросёнок, совсем ещё маленький, а за поросёнком – большая свинья.

Я выстрелил, но – увы – промахнулся.

Пуля моя пролетела как раз между поросёнком и свиньёй.

Поросёнок завизжал и юркнул в лес, а свинья осталась на месте как вкопанная.

Я удивился: почему и она не бежит от меня?

Но, подойдя ближе, я понял, в чём дело. Свинья была

слепая и не разбирала дороги. Она могла гулять по лесам, лишь держась за хвостик своего поросёнка.

Моя пуля оторвала этот хвостик. Поросёнок убежал, а свинья, оставшись без него, не знала, куда ей идти. Беспомощно стояла она, держа в зубах обрывок его хвостика. Тут мне пришла в голову блестящая мысль. Я схватил этот хвостик и повёл свинью к себе на кухню. Бедная слепая покорно плелась вслед за мною, думая, что её по-прежнему ведёт поросёнок!

Да, я должен повторить ещё раз, что находчивость — великая вещь!

КАК Я ПОЙМАЛ КАБАНА

В другой раз мне попался в лесу дикий кабан.

Справиться с ним было гораздо труднее. У меня даже ружья с собой не было.

Я бросился бежать, но он помчался за мною как бешеный и непременно проколол бы меня своими клыками, если бы я не спрятался за первым попавшимся дубом.

Кабан с разбегу налетел на дуб, и его клыки так глубоко вонзились в ствол дерева, что он не мог вытащить их оттуда.

— Ага, попался, голубчик! — сказал я, выходя из-за дуба.
— погоди! Теперь ты от меня не уйдёшь!

И, взяв камень, я стал ещё глубже вколачивать в дерево острые клыки, чтобы кабан не мог освободиться, а затем

связал его крепкой верёвкой и, взвалив на телегу, с торжеством повёз к себе домой.

То-то удивлялись другие охотники! Они и представить себе не могли, что такого свирепого зверя можно поймать живьём, не истратив ни единого заряда.

НЕОБЫКНОВЕННЫЙ ОЛЕНЬ

Впрочем, со мной случались чудеса и почище.

Иду я как-то по лесу и угощаюсь сладкими, сочными вишнями, которые купил по дороге.

И вдруг прямо передо мной – олень! Стройный, красивый, с огромными ветвистыми рогами!

А у меня, как назло, ни одной пули!

Олень стоит и преспокойно глядит на меня, словно знает, что у меня ружьё не заряжено.

К счастью, у меня осталось ещё несколько вишен, и я зарядил ружьё вместо пули вишнёвой косточкой. Да, да, не смейтесь, обыкновенной вишнёвой косточкой.

Раздался выстрел, но олень только головой помотал. Косточка попала ему в лоб и не причинила никакого вреда. В одно мгновение он скрылся в лесной чаще.

Я очень жалел, что упустил такого прекрасного зверя.

Год спустя я снова охотился в том же лесу. Конечно, к тому времени я совсем позабыл об истории с вишнёвой косточкой.

Каково же было моё изумление, когда из чащи леса прямо на меня выпрыгнул великолепный олень, у которого между рогами росло высокое, развесистое вишнёвое дерево! Ах, поверьте, это было очень красиво: стройный олень и на голове у него – стройное дерево! Я сразу догадался, что это дерево выросло из той маленькой косточки, которая в прошлом году послужила мне пулей. На этот раз у меня не было недостатка в зарядах. Я прицелился, выстрелил, и олень замертво грохнулся на землю. Таким об-

разом, с одного выстрела я сразу получил и жаркое и вишнёвый компот, потому что дерево было покрыто крупными, спелыми вишнями.

Должен сознаться, что более вкусных вишен я не пробовал за всю свою жизнь.

ВОЛК НАИЗНАНКУ

Не знаю почему, но со мною часто случалось, что самых свирепых и опасных зверей я встречал в такую минуту, когда был не вооружен и беспомощен.

Иду как-то лесом, а навстречу мне – волчище. Разинул пасть – и прямо на меня.

Что делать? Бежать? Но волк уже набросился на меня, опрокинул и сейчас перегрызёт мне горло. Другой на моём месте растерялся бы, но вы знаете барона Мюнхгаузена! Я решителен, находчив и смел. Ни минуты не медля, я засунул кулак волку в пасть и, чтобы он не откусил мне руку, всовывал её всё глубже и глубже. Волк свирепо глядел на меня. Глаза его сверкали от ярости. Но я знал, что, если я выдерну руку, он разорвёт меня на мелкие части, и потому бесстрашно всовывал её дальше и дальше. И вдруг мне пришла в голову великолепная мысль: я захватил его внутренности, крепко рванул и вывернул его, как рукавицу, наизнанку!

Разумеется, что после такой операции он замятво упал к моим ногам.

Я сшил из его шкуры отличную тёплую куртку и, если вы не верите мне, охотно покажу её вам.

БЕШЕНАЯ ШУБА

Впрочем, в моей жизни бывали события и пострашнее, чем встреча с волками.

Как-то раз за мной погналась бешеная собака.

Я кинулся от неё со всех ног.

Но на плечах у меня была тяжёлая шуба, которая мешала мне бежать.

Я сбросил её на бегу, вбежал в дом и захлопнул за собой дверь. Шуба так и осталась на улице.

Бешеная собака накинулась на неё и стада кусать её с яростью. Мой слуга выбежал из дому, поднял шубу и повесил её в том шкафу, где висела моя одежда.

На другой день рано утром он вбегает в мою спальню и кричит испуганным голосом:

– Вставайте! Вставайте!
Ваша шуба взбесилась!

Я вскакиваю с постели, открываю шкаф – и что же я вижу?! Все мои платья разорваны в клочья!

Слуга оказался прав: моя бедная шуба взбесилась, так как вчера её искусала бешеная собака.

Шуба яростно набросилась на мой новый мундир, и от него только лоскутки полетели.

Я схватил пистолет и выстрелил.

Бешеная шуба мгновенно затихла. Тогда я приказал моим людям связать её и повесить в отдельном шкафу.

С тех пор она уже никого не кусала, и я надевал её без всякой боязни.

ВОСЬМИНОГИЙ ЗАЯЦ

Да, немало чудесных историй случилось со мною в России.

Однажды я преследовал необыкновенного зайца.

Заяц был на диво быстроногий. Скачет всё вперёд и вперёд – и хоть бы присел отдохнуть.

Два дня я гнался за ним, не слезая с седла, и никак не мог догнать его,

Моя верная собака Дианка не отставала от него ни на шаг, но я никак не мог приблизиться к нему на расстояние выстрела.

На третий день мне всё-таки удалось подстрелить этого проклятого зайца.

Чуть только он упал на траву, я соскочил с лошади и бросился рассматривать его.

Представьте себе моё удивление, когда я увидел, что у этого зайца, кроме его обычных ног, были ещё запасные. У него было четыре ноги на животе и четыре на спине!

Да, на спине у него были отличные, крепкие ноги! Когда нижние ноги у него уставали, он перевёртывался на спину, брюхом вверх, и продолжал бежать на запасных ногах.

Не мудрено, что я как угорелый трое суток гонялся за ним!

ЧУДЕСНАЯ КУРТКА

К сожалению, догоняя восьминогого зайца, моя верная собака так устала от трёхдневной погони, что упала на землю и через час умерла,

Я чуть не заплакал от горя и, чтобы сохранить память о своей умершей любимице, приказал сшить себе из её шкуры охотничью куртку.

С тех пор мне уж не нужно ни ружья, ни собаки.

Всякий раз, когда я бываю в лесу, моя куртка так и тянет меня туда, где прячется волк или заяц.

Когда я приближаюсь к дичи на расстояние выстрела, от куртки отрывается пуговица и, как пуля, летит прямо в зверя! Зверь падает на месте, убитый удивительной пуговицей.

Эта куртка и сейчас на мне.

Вы, кажется, не верите мне, вы улыбаетесь? Но посмотрите сюда, и вы убедитесь, что я рассказываю вам чистейшую правду: разве вы не видите своими глазами, что теперь на моей куртке осталось всего две пуговицы? Когда я снова пойду на охоту, я пришью к ней не меньше трёх дюжин.

Вот будут завидовать мне другие охотники!

КОНЬ НА СТОЛЕ

Я, кажется, ещё ничего не рассказывал вам о своих лошадях?

Между тем у меня и с ними случалось немало чудесных историй.

Дело было в Литве. Я гостил у одного приятеля, который страстно любил лошадей.

И вот, когда он показывал гостям лучшего своего коня, которым он особенно гордился, конь сорвался с узды, опрокинул четырёх конюхов и помчался по двору как безумный.

Все в страхе разбежались.

Не нашлось ни одного смельчака, который дерзнул бы приблизиться к рассвирепевшему животному.

Только я один не растерялся, потому что, обладая удивительной храбростью, я с детства умею обуздывать самых диких коней.

Одним прыжком я вскочил коню на хребет и мгновенно укротил его. Сразу почувствовав мою сильную руку, он покорился мне, словно малый ребёнок. С торжеством объехал я весь двор, и вдруг мне захотелось показать своё искусство дамам, которые сидели за чайным столом.

Как же это сделать?

Очень просто! Я направил коня к окну и, как вихрь, влетел в столовую.

Дамы сперва очень испугались. Но я заставил коня вспрыгнуть на чайный стол и так искусно прогарцевал среди рюмок и чашек, что не разбил ни одной рюмки, ни одного самого маленького блюдца.

Это очень понравилось дамам; они стали смеяться и хлопать в ладоши, а мой друг, очарованный моей удивительной ловкостью, просил меня принять эту великолепную лошадь в подарок.

Я был очень рад его подарку, так как собирался на войну и давно подыскивал себе скакуна.

Через час я уже мчался на новом коне по направлению к Турции, где в то время шли жестокие бои.

В боях я, конечно, отличался отчаянной храбростью и впереди всех налетал на врага.

Однажды после жаркого сражения с турками мы захватили неприятельскую крепость. Я первый ворвался в неё и, прогнав из крепости всех турок, подскакал к колодцу — напоить разгорячённого коня. Конь пил и никак не мог утолить свою жажду. Прошло несколько часов, а он всё не отрывался от колодца. Что за чудо! Я был изумлён. Но вдруг позади меня послышался странный плеск.

Я посмотрел назад и от удивления чуть не свалился с седла.

Оказалось, что вся задняя часть моего коня была отрезана начисто и вода, которую он пил, свободно выливалась позади, не задерживаясь у него в животе! От этого за моей спиной образовалось обширное озеро. Я был ошеломлён. Что за странность?

Но вот прискакал ко мне один из моих солдат, и загадка мигом объяснилась.

Когда я скакал за врагами и ворвался в ворота неприятельской крепости, турки как раз в ту минуту захлопнули эти ворота и отрезали заднюю половину моего коня. Словно разрубили его пополам! Эта задняя половина некоторое время оставалась неподалёку от ворот, брыкаясь и разгоняя турок ударами копыт, а затем ускакала на соседний луг.

– Она там пасётся и сейчас! – сообщил мне солдат.

– Пасётся? Не может быть!

– Посмотрите сами.

Я помчался на передней половине коня по направлению к лугу. Там я действительно нашёл заднюю половину коня. Она мирно паслась на зелёной поляне.

Я немедленно послал за военным врачом, и он, не долго думая, сшил обе половины моей лошади тонкими лавровыми прутьями, так как ниток у него под рукой не случилось.

Обе половины отлично срослись, а лавровые ветки пустили корни в теле моей лошади, и через месяц у меня над седлом образовалась беседка из лавровых ветвей.

Сидя в этой уютной беседке, я совершил немало удивительных подвигов.

Впрочем, во время войны мне довелось ездить верхом не только на конях, но и на пушечных ядрах.

Произошло это так.

Мы осаждали какой-то турецкий город, и понадобилось нашему командиру узнать, много ли в том городе пушек.

Но во всей нашей армии не нашлось храбреца, который согласился бы незаметно пробраться в неприятельский лагерь.

Храбрее всех, конечно, оказался я.

Я стал рядом с огромнейшей пушкой, которая палила по турецкому городу, и когда из пушки вылетело ядро, я вскочил на него верхом и лихо понёсся вперёд. Все в один голос воскликнули:

– Bravo, bravo, барон Мюнхгаузен!

Сперва я летел с удовольствием, но когда вдали показался неприятельский город, меня охватили тревожные мысли.

«Гм! – сказал я себе. – Влететь-то ты, пожалуй, влетишь, но удастся ли тебе оттуда выбраться? Враги не станут церемониться с тобою, они схватят тебя, как шпиона, и повесят на ближайшей виселице. Нет, милый Мюнхгаузен, надо тебе возвращаться, покуда не поздно!»

В эту минуту мимо меня пролетало встречное ядро, пущенное турками в наш лагерь.

Не долго думая, я пересел на него и как ни в чём не бывало помчался обратно.

Конечно, во время полёта я тщательно пересчитал все турецкие пушки и привёз своему командиру самые точные сведения об артиллерии врага.

Вообще за время этой войны со мною было немало приключений.

Однажды, спасаясь от турок, попробовал я перепрыгнуть болото верхом на коне. Но конь не допрыгнул до берега, и мы с разбегу шлёпнулись в жидкую грязь.

Шлёпнулись – и стали тонуть. Спасения не было. Болото с ужасной быстротой засасывало нас глубже и глубже. Вот уже всё туловище моего коня скрылось в зловонной грязи, вот уже и моя голова стала погружаться в болото, и оттуда торчит лишь косичка моего парика.

Что было делать? Мы непременно погибли бы, если бы не удивительная сила моих рук. Я страшный силач. Схватив себя за эту косичку, я изо всех сил дёрнул вверх и без большого труда вытащил из болота и себя, и своего коня,

которого крепко сжал обеими ногами, как щипцами.

Да, я приподнял на воздух и себя, и своего коня, и если вы думаете, что это легко, попробуйте проделать это сами.

ПЧЕЛИНЫЙ ПАСТУХ И МЕДВЕДИ

Но ни сила, ни храбрость не спасли меня от страшной беды.

Однажды во время боя турки окружили меня, и, хотя я бился, как тигр, я всё же попал к ним в плен. Они связали меня и продали в рабство.

Для меня начались чёрные дни. Правда, работу мне давали не трудную, но довольно скучную и надоедливую; меня назначили пчелиным пастухом. Каждое утро я должен был выгонять султановых пчёл на лужайку, пасти их весь день, а вечером загонять обратно в ульи.

Вначале всё шло хорошо, но вот как-то раз, пересчитав своих пчёл, я заметил, что одной не хватает.

Я отправился искать её и скоро увидел, что на неё напали два огромных медведя, которые, очевидно, хотели разорвать её надвое и полакомиться её сладким мёдом.

У меня не было с собой никакого оружия – только маленький серебряный топорик.

Я размахнулся и запустил этим топориком в жадных зверей, чтобы испугать их и освободить бедную пчёлку. Медведи бросились бежать, и пчёлка была спасена. Но, к несчастью, я не рассчитал размаха своей могучей руки и швырнул топорик с такой силой, что он залетел на Луну. Да, на Луну. Вы качаете головой и смеётесь, а мне в ту пору было не до смеха.

Я задумался.

Что же мне делать? Где достать такую длинную лестницу, чтобы добраться до самой Луны?

ПЕРВОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ НА ЛУНУ

К счастью, я вспомнил, что в Турции есть такой огородный овощ, который растёт очень быстро и порою дорастает до самого неба.

Это – турецкие бобы. Ни минуты не медля, я посадил в землю один из таких бобов, и он тотчас же начал расти.

Он рос всё выше и выше и вскоре дотянулся до Луны!

– Ура! – воскликнул я и полез по стеблю вверх.

Через час я очутился на Луне.

Нелегко мне было найти на Луне серебряный свой топорик. Луна серебряная, и топорик серебряный – серебра на серебре не видно. Но в конце концов я всё же отыскал мой топорик на куче гнилой соломы.

Я с радостью засунул его за пояс и хотел спуститься вниз на Землю.

Но не тут-то было: солнце высушило мой бобовый стебелёк, и он рассыпался на мелкие части!

Увидя это, я чуть не заплакал от горя.

Что делать? Что делать? Неужели мне никогда не вернуться на Землю? Неужели я так и останусь всю жизнь на этой постылой Луне? О нет! Ни за что! Я подбежал к соломе и начал вить из неё верёвку. Верёвка вышла недлинная, но что за беда! Я начал спускаться по ней. Одной рукой я скользил по верёвке, а другой держал топорик.

Но скоро верёвка кончилась, и я повис в воздухе, между небом и землёй. Это было ужасно, но я не растерялся. Не долго думая, я схватил топорик и, крепко взявшись за нижний конец верёвки, отрубил её верхний конец и привязал его к нижнему. Это дало мне возможность спуститься ниже к Земле.

Но всё же до Земли было далеко. Много раз приходилось мне отрубать верхнюю половину верёвки и привязывать её к нижней. Наконец я спустился так низко, что мог рассмотреть городские дома и дворцы. До Земли оставалось всего три или четыре мили.

И вдруг – о ужас! – верёвка оборвалась. Я грохнулся наземь с такой силой, что пробил яму глубиною по крайней мере в полмили.

Придя в себя, я долго не знал, как мне выкарабкаться

из этой глубокой ямы. Целый день я не ел, не пил, а всё думал и думал. И наконец додумался: выкопал ногтями ступеньки и по этой лестнице взобрался на поверхность Земли.

О, Мюнхгаузен нигде не пропадёт!

НАКАЗАННАЯ ЖАДНОСТЬ

Опыт, приобретённый таким тяжёлым трудом, делает человека умнее.

После путешествия на Луну я изобрёл более удобный способ избавлять своих пчёл от медведей.

Вечером я вымазал мёдом оглоблю телеги и спрятался неподалёку.

Как только стемнело, к телеге подкрался огромный медведь и стал жадно слизывать мёд, которым была покрыта оглобля. Обжора так увлёкся этим лакомством, что и не заметил, как оглобля вошла ему в глотку, а после в желудок и в конце концов вылезла у него позади.

Этого я только и ждал.

Я подбежал к телеге и вбил в оглоблю позади медведя толстый и длинный гвоздь! Медведь оказался надетым на оглоблю. Теперь уж ему не соскользнуть ни туда, ни сюда. В таком положении я оставил его до утра.

Утром услышал об этой проделке сам турецкий султан и пришёл взглянуть на медведя, пойманного при помощи такой удивительной хитрости. Он долго смотрел на него и хохотал до упаду.

ЛОШАДИ ПОД МЫШКАМИ, КАРЕТА НА ПЛЕЧАХ

Вскоре турки отпустили меня на свободу и вместе с другими пленными отправили обратно в Петербург.

Но я решил уехать из России, сел в карету и покатил на родину. Зима в том году была очень холодная. Даже солнце простудилось, отморозило щёки, и у него сделался насморк. А когда солнце простужено, от него вместо тепла идёт холод. Можете себе представить, как сильно я продрог в моей карете!

Дорога была узкая. По обеим сторонам шли заборы. Я приказал моему ямщику протрубить в рожок, чтобы встречные экипажи подождали нашего проезда, потому что на такой узкой дороге мы не могли бы разъехаться,

Кучер исполнил моё приказание. Он взял рожок и стал дуть. Дул, дул, дул, но из рожка не вылетало ни звука! А между тем навстречу нам ехал большой экипаж.

Делать нечего, я вылезая из кареты и выпрягаю моих лошадей. Затем взваливаю карету на плечи – а карета тяжело нагруженная! – и одним прыжком переносу карету опять на дорогу, но уже позади экипажа.

Это было нелегко даже мне, а вы знаете, какой я силач.

Немного отдохнув, я возвращаюсь к моим лошадям, беру их под мышки и такими же двумя прыжками переносу их к карете. Во время этих прыжков одна из моих лошадей начала отчаянно брыкаться.

Это было не очень удобно. Но я засунул её задние ноги в карман моего сюртука, и ей поневоле пришлось успокоиться.

Потом я впряг лошадей в карету и спокойно доехал до ближайшей гостиницы.

Приятно было согреться после такого лютого мороза и отдохнуть после такой тяжёлой работы!

ОТТАЯВШИЕ ЗВУКИ

Мой кучер повесил рожок неподалёку от печки, а сам подошёл ко мне, и мы начали мирно беседовать.

И вдруг рожок заиграл:
«Тру-туту! Тра-тата! Ра-рара!»

Мы очень удивились, но в ту же минуту я понял, почему на морозе из этого рожка нельзя было извлечь ни единого звука, а в тепле он заиграл сам собой.

На морозе звуки замёрзли в рожке, а теперь, отогревшись у печки, оттаяли и стали сами вылетать из рожка.

Мы с кучером в течение всего вечера наслаждались этой очаровательной музыкой.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

БУРЯ

Но не думайте, пожалуйста, что я путешествовал только по лесам и полям. Нет, мне случалось не раз переплывать моря и океаны, и там бывали со мною приключения, каких не бывало ни с кем.

Шли мы как-то в Индию на большом корабле. Погода была отличная. Но когда мы стояли на якоре у какого-то острова, поднялся большой ураган. Буря налетела с такой силой, что вырвала на острове несколько тысяч (да, несколько тысяч!) деревьев и понесла их прямо к облакам.

Огромные деревья, весившие сотни пудов, летели так высоко над землёй, что снизу казались какими-то пёрышками.

А чуть только буря кончилась, каждое дерево упало на своё прежнее место и сразу пустило корни, так что на ост-

рове не осталось никаких следов урагана. Удивительные деревья, не правда ли?

Впрочем, одно дерево так и не вернулось на место,

Дело в том, что, когда оно взлетело на воздух, на его ветвях находился один бедный крестьянин с женой. Зачем они взобрались туда? Очень просто: чтобы нарвать огурцов, так как в той местности огурцы растут на деревьях. Жители острова любят огурцы больше всего на свете и ничего другого не едят. Это их единственная пища.

Бедным крестьянам, подхваченным бурей, невольно пришлось совершить воздушное путешествие под облаками.

Когда буря стихла, дерево начало опускаться на землю. Крестьянин и крестьянка были, как нарочно, очень толстые, они накренили его своей тяжестью, и дерево упало не туда, где росло прежде, а в сторону, причём налетело на тамошнего короля и, к счастью, раздавило его, как букашку.

– К счастью? – спросите вы. – Почему же к счастью?

Потому, что этот король был жестокий и зверски мучил всех жителей острова.

Жители были очень рады, что их мучитель погиб, и предложили корону мне:

– Пожалуйста, добрый Мюнхгаузен, будь нашим королём. Сделай нам одолжение, царствуй над нами. Ты такой мудрый и смелый.

Но я наотрез отказался, так как я не люблю огурцов.

МЕЖДУ КРОКОДИЛОМ И ЛЬВОМ

Когда буря кончилась, мы подняли якорь и недели через две благополучно прибыли на остров Цейлон.

Старший сын цейлонского губернатора предложил мне пойти вместе с ним на охоту.

Я с большим удовольствием согласился. Мы отправи-

лись в ближайший лесок. Жара стояла страшная, и я должен сознаться, что с непривычки очень скоро устал.

А сын губернатора, сильный молодой человек, чувствовал себя на этой жаре превосходно. Он жил на Цейлоне с детства.

Цейлонское солнце было ему нипочём, и он бодро шагал по раскалённым пескам.

Я отстал от него и вскоре заблудился в чаще незнакомого леса. Иду и слышу шорох. Оглядываюсь: передо мною громаднейший лев, который разинул пасть и хочет меня растерзать. Что тут делать? Ружьё моё было заряжено мелкой дробью, которой не убьёшь и куропатки. Я выстрелил, но дробь только раздражила свирепого зверя, и он накинулся на меня с удвоенной яростью.

В ужасе я бросился бежать, зная, что это напрасно, что чудовище одним прыжком настигнет меня и растерзает. Но куда я бегу? Впереди передо мною разинул пасть огромный крокодил, готовый проглотить меня в ту же минуту.

Что делать? Что делать?

Сзади – лев, впереди – крокодил, слева – озеро, справа – болото, кишашщее ядовитыми змеями.

В смертельном страхе я упал на траву и, закрыв глаза, приготовился к неминуемой гибели. И вдруг у меня над головой словно что-то прокатилось и грохнуло. Я приоткрыл глаза и увидел изумительное зрелище, которое доставило мне великую радость: оказывается, лев, бросив-

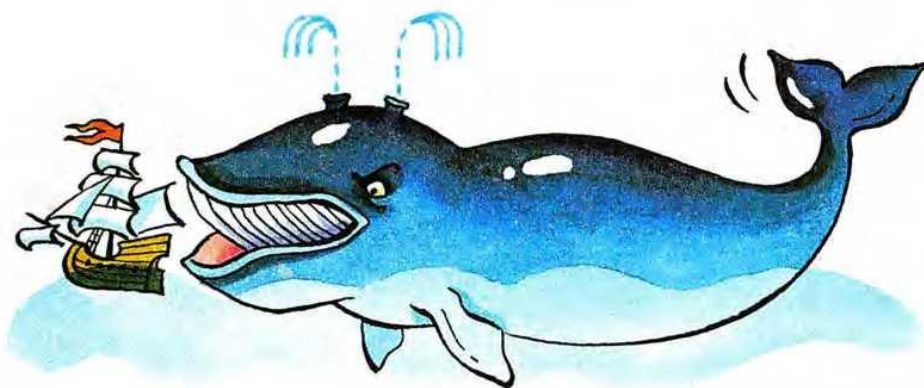
шись на меня в то мгновение, когда я падал на землю, перелетел через меня и угодил прямо в пасть крокодила!

Голова одного чудовища находилась в глотке другого, и оба напрягали все силы, чтобы освободиться друг от друга.

Я вскочил, вытащил охотничий нож и одним ударом отсек голову льву. К моим ногам свалилось бездыханное тело.

Потом, не теряя времени, я схватил ружьё и ружейным прикладом стал вколачивать голову льва ещё глубже в пасть крокодила, так что тот в конце концов задохся.

Вернувшийся сын губернатора поздравил меня с победой над двумя лесными великанами.

ВСТРЕЧА С КИТОМ

Вы можете понять, что после этого на Цейлоне мне не очень понравилось.

Я сел на военный корабль и отправился в Америку, где нет ни крокодилов, ни львов.

Мы плыли десять дней без приключений, но вдруг недалеко от Америки с нами случилась беда: мы налетели на подводную скалу.

Удар был такой сильный, что сидевшего на мачте матроса отбросило в море на три мили.

К счастью, падая в воду, он успел ухватиться за клюв пролетавшей мимо красной цапли, и цапля помогла ему продержаться на поверхности моря, пока мы не подобрали его.

Мы налетели на скалу так неожиданно, что я не мог устоять на ногах: меня подбросило вверх, и я ударился головой о потолок своей каюты.

От этого моя голова провалилась ко мне в желудок, и лишь в течение нескольких месяцев мне удалось понемногу вытащить её оттуда за волосы.

Скала, на которую мы налетели, оказалась вовсе не скалой.

Это был кит колоссальных размеров, который мирно дремал на воде.

Налетев на него, мы разбудили его, и он так разозлился, что схватил наш корабль зубами за якорь и целый день, с утра до ночи, таскал нас по всему океану.

К счастью, в конце концов якорная цепь оборвалась, и мы освободились от кита.

На обратном пути из Америки мы снова встретились с этим китом. Он был мёртвый и лежал на воде, занимая своей тушей полмили. Нечего было и думать, чтобы вытащить эту громадину на корабль. Поэтому мы отрезали от кита только голову. И какова же была наша радость, когда, втащив её на палубу, мы нашли в пасти чудовища и наш якорь, и сорок метров корабельной цепи, которая вся помещалась в одной дыре его гнилого зуба!

Но недолго длилась наша радость. Мы обнаружили, что в нашем корабле большая пробоина. Вода так и хлынула в трюм.

Корабль стал тонуть.

Все растерялись, закричали, заплакали, но я быстро придумал, что делать. Даже не снимая штанов, я сел прямо в дыру и заткнул её своею заднею частью.

Течь прекратилась.

Корабль был спасён.

Через неделю мы приехали в Италию.

Был солнечный, ясный день, и я пошёл на берег Средиземного моря купаться. Вода была тёплая. Я отличный пловец и заплыл далеко от берега.

Вдруг вижу – прямо на меня плывёт огромная рыба с широко разинутой пастью! Что было делать? Удрать от неё невозможно, и поэтому я съёжился в комок и ринулся в её разинутую пасть, чтобы поскорее проскользнуть мимо острых зубов и сразу очутиться в желудке.

Не всякому пришла бы в голову такая остроумная хитрость, но я вообще человек остроумный и, как вы знаете, очень находчивый.

В желудке у рыбы оказалось темно, но зато тепло и уютно.

Я стал расхаживать в этой темноте, прогуливаться взад и вперёд и скоро заметил, что это очень не нравится рыбе. Тогда я начал нарочно топтать ногами, прыгать и танцевать как безумный, чтобы хорошенько помучить её.

Рыба завопила от боли и высунула из воды свою огромную морду.

Скоро её заметили с итальянского корабля, проходившего мимо.

Этого-то я и хотел! Моряки убили её гарпуном, а потом втащили к себе на палубу и стали советовать, как лучше всего им разрубить необыкновенную рыбину.

Я сидел внутри и, признаться, дрожал от страха: я боялся, как бы эти люди не разрубили и меня вместе с рыбой.

Это было бы ужасно!

Но, к счастью, их топоры не задели меня. Едва только блеснул первый свет, я стал кричать громким голосом на чистейшем итальянском языке (о, я знаю итальянский язык превосходно!), что я рад видеть этих добрых людей, которые освободили меня из моей душной темницы.

Услышав человеческий голос из рыбьего брюха, матросы застыли от ужаса.

Их изумление возросло ещё больше, когда из рыбьей пасти выскочил я и приветствовал их любезным поклоном.

МОИ ЧУДЕСНЫЕ СЛУГИ

Спасший меня корабль направлялся в столицу Турции.

Итальянцы, среди которых я теперь очутился, сразу увидели, что я человек замечательный, и предложили мне остаться на корабле вместе с ними. Я согласился, и через неделю мы причалили к турецкому берегу.

Турецкий султан, узнав о моём прибытии, конечно, пригласил меня обедать. Он встретил меня на пороге своего дворца и сказал:

– Я счастлив, мой милый Мюнхгаузен, что могу приветствовать вас в своей древней столице, Надеюсь, вы в добром здоровье? Я знаю все ваши великие подвиги, и мне хотелось бы поручить вам одно трудное дело, с которым не справится никто, кроме вас, потому что вы самый умный и находчивый человек на Земле. Могли бы вы немедленно поехать в Египет?

– С радостью! – отозвался я, – Я так люблю путешествовать, что готов хоть сейчас на край света!

Султану мой ответ очень понравился, и он возложил на меня поручение, которое на веки веков должно остаться тайною для всех, и потому я не могу рассказать, в чём оно заключалось. Да, да, султан доверил мне великую тайну, так как он знал, что я самый надёжный человек во всём свете. Я поклонился и немедленно тронулся в путь.

Едва я отъехал от турецкой столицы, как мне попался навстречу маленький человек, бежавший с необыкновенной быстротой. К каждой его ноге была привязана тяжёлая гиря, и всё же он летел как стрела.

– Куда ты? – спросил я его. – И зачем ты привязал к ногам эти гири? Ведь они мешают бежать!

– Три минуты назад я был в Вене, – отвечал на бегу человек, – а теперь иду в Константинополь поискать себе какой-нибудь работы. Гири же повесил к ногам, чтобы не бежать слишком быстро, потому что торопиться мне некуда.

Очень понравился мне этот удивительный скороход, и я взял его к себе на службу. Он охотно последовал за мной.

На другой день у самой дороги заметили мы человека, который лежал ничком, приложив ухо к земле.

– Что ты тут делаешь? – спросил я его.

– Слушаю, как в поле растёт трава! – ответил он.

– И слышишь?

– Отлично слышу. Для меня это сущий пустяк!

– В таком случае поступай ко мне на службу, любезнейший! Твои чуткие уши могут пригодиться мне в дороге.

Он согласился, и мы отправились дальше.

Вскоре я увидел охотника, у которого в руках было ружьё.

– Послушай, – обратился я к нему. – В кого это ты стреляешь? Нигде не видно ни зверя, ни птицы.

– На крыше колокольни в Берлине сидел воробей, и я попал ему прямо в глаз.

Вы знаете, как я люблю охоту. Я обнял меткого стрелка и пригласил его к себе на службу. Он с радостью последовал за мной.

Проехав много стран и городов, мы приблизились к обширному лесу. Смотрим – у дороги стоит человек огромнейшего роста и держит в руках верёвку, которую он накинул петлёю вокруг всего леса.

– Что это ты тащишь? – спросил я его.

– Да вот понадобилось дров нарубить, а топор у меня

дома остался, – ответил он. – Я и хочу изловчиться, чтобы обойтись без топора.

Он дёрнул за верёвку, и огромные дубы, как тонкие былинки, взлетели в воздух и упали на землю.

Я, конечно, не пожалел денег и тотчас же пригласил этого силача к себе на службу.

Когда мы приехали в Египет, поднялась такая страшная буря, что все наши кареты и лошади кувырком понеслись по дороге.

Вдали мы увидели семь мельниц, крылья которых вертелись как бешеные. А на пригорке лежал человек и зажимал свою левую ноздрию пальцем. Увидев нас, он учтиво меня приветствовал, и буря в один миг прекратилась.

– Что ты тут делаешь? – спросил я.

– Верчу мельницы своего хозяина, – ответил он. – А чтобы они не сломались, я дую не слишком сильно: только из одной ноздри.

«Этот человек мне пригодится», – подумал я и предложил ему ехать со мною.

КИТАЙСКОЕ ВИНО

В Египте я скоро выполнил все поручения султана. Моя находчивость помогла мне и здесь. Через неделю я вместе

со своими необыкновенными слугами вернулся в столицу Турции.

Султан был рад моему возвращению и очень хвалил меня за мои удачные действия в Египте.

– Вы умнее всех моих министров, милый Мюнхгаузен! – сказал он, крепко пожимая мне руку. – Приходите ко мне сегодня обедать!

Обед был очень вкусный, но – увы! – на столе не оказалось вина, потому что туркам по закону запрещено пить вино. Я был весьма огорчён, и султан, чтобы утешить меня, повёл меня после обеда в свой кабинет, открыл потайной шкаф и вынул оттуда бутылочку.

– Такого превосходного вина вы не пробовали во всю свою жизнь, мой милый Мюнхгаузен! – сказал он, наливая мне полный стакан.

Вино действительно было хорошее. Но я после первого же глотка заявил, что в Китае у китайского богдыхана Фу Чана вино ещё почище этого.

– Мой милый Мюнхгаузен! – воскликнул султан. – Я привык верить каждому вашему слову, потому что вы самый правдивый человек на Земле, но клянусь, что сейчас вы говорите неправду: лучше этого вина не бывает!

– А я вам докажу, что бывает!

– Мюнхгаузен, вы болтаете вздор!

– Нет, я говорю сущую правду и берусь ровно через час доставить вам из богдыханского погреба бутылку такого вина, в сравнении с которым ваше вино – жалкая кислятина.

– Мюнхгаузен, вы забываетесь! Я всегда считал вас одним из правдивейших людей на Земле, а теперь я вижу, что вы бессовестный лгун.

– Если так, я требую, чтобы вы убедились немедленно, правду ли я говорю!

– Согласен! – ответил султан. – Если к четырём часам вы не доставите мне из Китая бутылку лучшего в мире вина, я прикажу отрубить вам голову.

– Отлично! – воскликнул я. – Я согласен на ваши условия. Но если к четырём часам это вино будет у вас на столе, вы отдадите мне столько золота из вашей кладовой, сколько за один раз может унести один человек.

Султан согласился. Я написал китайскому богдыхану письмо и попросил его подарить мне бутылку того самого вина, которым он угощал меня три года назад.

«Если вы откажете мне в моей просьбе, – писал я, – ваш друг Мюнхгаузен погибнет от руки палача».

Когда я кончил писать, было уже пять минут четвёртого.

Я кликнул моего скорохода и послал его в китайскую столицу. Он отвязал гири, висевшие у него на ногах, взял письмо и в одно мгновение скрылся из глаз.

Я вернулся в кабинет султана. В ожидании скорохода мы осушили до дна начатую нами бутылку.

Пробило четверть четвёртого, потом половину четвёртого, потом три четверти четвёртого, а мой скороход не показывался.

Мне стало как-то не по себе, особенно когда я заметил,

что султан держит в руках колокольчик, чтобы позвонить и позвать палача.

– Разрешите мне выйти в сад подышать свежим воздухом! – сказал я султану.

– Пожалуйста! – ответил султан с самой любезной улыбкой.

Но, выходя в сад, я увидел, что за мною по пятам следуют какие-то люди, не отступая от меня ни на шаг.

Это были палачи султана, готовые каждую минуту наброситься на меня и отрубить мою бедную голову.

В отчаянии я взглянул на часы. Без пяти четыре! Неужели мне осталось жить всего только пять минут? О, это слишком ужасно! Я позвал своего слугу – того самого, который слышал, как растёт в поле трава, – и спросил его, не слышит ли он топота ног моего скорохода. Он приложил ухо к земле и сообщил мне, к моему великому горю, что бездельник скороход заснул!

– Заснул?!

– Да, заснул. Я слышу, как он храпит далеко-далеко.

У меня ноги подкосились от ужаса. Ещё минута – и я погибну бесславною смертью.

Я кликнул другого слугу, того самого, который целился в воробья, и он тотчас же взобрался на самую высокую башню и, приподнявшись на цыпочки, стал вглядываться в даль.

– Ну что, видишь ли ты негодяя? – спросил я, задыхаясь от злобы.

– Вижу, вижу! Он развалился на лужайке под дубом недалеко от Пекина и храпит. А рядом с ним бутылка... Но погоди, я тебя разбужу!

Он выстрелил в вершину того дуба, под которым спал скороход.

Жёлуди, листья и ветви посыпались на спящего и разбудили его.

Скороход вскочил, протёр глаза и бросился бежать как угорелый.

До четырёх часов оставалось всего полминуты, когда он влетел во дворец с бутылкой китайского вина.

Можете себе представить, как велика была моя радость! Отведав вина, султан пришёл в восторг и воскликнул:

– Милый Мюнхгаузен! Разрешите мне спрятать эту бутылочку подальше от вас. Я хочу распить её один. Я и не думал, что на свете бывает такое сладкое и вкусное вино.

Он запер бутылку в шкаф, а ключи от шкафа положил себе в карман и приказал немедленно позвать казначея.

– Я разрешаю моему другу Мюнхгаузену взять из моих кладовых столько золота, сколько может унести за один раз один человек, – сказал султан.

Казначей низко поклонился султану и повёл меня в подземелья дворца, доверху набитые сокровищами.

Я позвал своего силача. Он взвалил себе на плечи всё золото, какое было в кладовых у султана, и мы побежали к морю. Там я нанял огромный корабль и доверху нагрузил его золотом.

Подняв паруса, мы поспешили выйти в открытое море, пока султан не опомнился и не отнял у меня своих сокровищ.

ПОГОНЯ

Но случилось то, чего я так боялся.

Едва мы отъехали от берега, казначей побежал к своему повелителю и сказал ему, что я дочиста ограбил его кладовые. Султан пришёл в ярость и послал за мной вдогонку весь свой военный флот.

Увидав множество боевых кораблей, я, признаться, не на шутку струсил.

«Ну, Мюнхгаузен, – сказал я себе, – пришёл твой последний час. Теперь уж тебе не будет спасения. Вся твоя хитрость не поможет тебе».

Я почувствовал, что моя голова, только что укрепив-

шаяся у меня на плечах, снова как бы отделяется от туловища.

Вдруг ко мне подошёл мой слуга, тот, у которого были могучие ноздри.

– Не бойтесь, они нас не догонят! – сказал он со смехом, побежал на корму и, направив одну ноздрю против турецкого флота, а другую против наших парусов, поднял такой ужасный ветер, что весь турецкий флот в одну минуту отлетел от нас обратно в гавань.

А наш корабль, подгоняемый моим могучим слугою, быстро помчался вперёд и через день добрался до Италии.

МЕТКИЙ ВЫСТРЕЛ

В Италии я зажил богачом, но спокойная, мирная жизнь была не по мне.

Я жаждал новых приключений и подвигов.

Поэтому я очень обрадовался, когда услышал, что недалеко от Италии разразилась новая война: англичане воевали с испанцами.

Ни минуты не медля, вскочил я на коня и помчался на поле сражения.

Испанцы осаждали тогда английскую крепость Гибралтар, я тотчас же пробрался к осаждённому.

Генерал, командовавший крепостью, был мой хороший приятель. Он принял меня с распростёртыми объятиями и стал показывать мне воздвигнутые им укрепления, так как он знал, что я могу дать ему дельный и полезный совет.

Стоя на стене Гибралтара, я увидел сквозь подзорную трубу, что испанцы направляют дуло своей пушки как раз в то место, где стояли мы оба.

Ни минуты не медля, я приказал, чтобы на это самое место была поставлена огромная пушка.

– Зачем? – спросил генерал.

– Вот увидишь! – ответил я.

Чуть только пушку подкатили ко мне, я направил её дуло прямо в дуло неприятельской пушки, и, когда испанский пушкарь поднёс к своей пушке фитиль, я громко скомандовал:

– Пли!

Обе пушки грянули в один и тот же миг.

Случилось то, чего я ожидал: в намеченной мною точке два ядра – наше и неприятельское – столкнулись с ужасающей силой, и неприятельское ядро полетело назад.

Представьте себе: оно полетело назад к испанцам.

Оно оторвало голову испанскому пушкарю и шестнадцати испанским солдатам.

Оно сбilo мачты у трёх кораблей, стоявших в испанской гавани, и понеслось прямо в Африку.

Пролетев ещё двести четырнадцать миль, оно упало на крышу убогой крестьянской лачуги, где жила какая-то старуха. Старуха лежала на спине и спала, а рот у неё был открыт. Ядро продырявило крышу, угодило спящей прямо в рот, выбило у неё последние зубы и застряло в горле – ни туда, ни сюда!

В лачугу вбежал её муж, человек горячий и находчивый.

Он засунул руку ей в горло и попытался вытащить оттуда ядро, но оно не сдвинулось с места.

Тогда он поднёс к её носу хорошую понюшку табаку; она чихнула, да так хорошо, что ядро вылетело из окошка на улицу!

Вот сколько бед причинило испанцам их собственное ядро, которое я послал к ним обратно.

Наше ядро тоже не доставило им удовольствия: оно попало в их военный корабль и пустило его ко дну, а на корабле было двести испанских матросов!

Так что англичане выиграли эту войну главным образом благодаря моей находчивости.

– Спасибо тебе, милый Мюнхгаузен, – сказал мне мой

друг генерал, крепко пожимая мне руки. – Если бы не ты, мы пропали бы. Нашей блестящей победой мы обязаны только тебе.

– Пустяки, пустяки! – сказал я. – Я всегда готов служить своим приятелям.

В благодарность за мою услугу английский генерал хотел произвести меня в полковники, но я, как человек очень скромный, отклонил столь высокую честь.

ОДИН ПРОТИВ ТЫСЯЧИ

Я так и заявил генералу:

– Не нужно мне ни орденов, ни чинов! Я помогаю вам по дружбе, бескорыстно. Просто потому, что я очень люблю англичан.

– Спасибо тебе, дружище Мюнхгаузен! – сказал генерал, ещё раз пожимая мне руки. – Помогай нам, пожалуйста, и дальше.

– С большим удовольствием, – ответил я и похлопал старика по плечу. – Я рад служить британскому народу.

Вскоре мне представился случай снова помочь моим друзьям англичанам.

Я переоделся испанским священником и, когда наступила ночь, прокрался в неприятельский лагерь.

Испанцы спали непробудным сном, и никто не увидел меня. Я тихонько принялся за работу: пошёл туда, где стояли их страшные пушки, и быстро-быстро стал бросать эти пушки в море – одну за другой – подальше от берега.

Это оказалось не очень легко, потому что всех пушек было больше трёхсот.

Покончив с пушками, я вытащил на середину лагеря все деревянные тачки, дрожки, повозки, телеги, какие только были в этом лагере, свалил их в одну кучу и поджёг.

Они вспыхнули, как порох. Начался ужасный пожар.

Испанцы проснулись и в отчаянии стали бегать по лагерю.

Они вообразили с перепугу, что ночью в их лагере побывало семь или восемь английских полков.

Они не могли себе представить, чтобы этот разгром мог произвести один человек.

Испанский главнокомандующий в ужасе пустился бежать и, не останавливаясь, бежал две недели, пока не добежал до Мадрида.

Всё его войско пустилось за ним, не смея даже оглянуться назад.

Таким образом, благодаря моей храбрости англичане окончательно сломили врага.

– Что делали бы мы без Мюнхгаузена? – говорили они и, пожимая мне руки, называли меня спасителем английской армии.

Англичане были так благодарны мне за оказанную помощь, что пригласили меня в Лондон погостить.

Я охотно поселился в Англии, не предвидя, какие приключения ожидают меня в этой стране.

ЧЕЛОВЕК-ЯДРО

А приключения были ужасные.

Гуляя как-то по окрестностям Лондона, я очень устал, и мне захотелось прилечь отдохнуть.

День был летний, солнце жгло немилосердно; я мечтал о прохладном местечке где-нибудь под развесистым деревом. Но дерева поблизости не было, и вот в поисках прохлады я забрался в жерло старой пушки и немедленно заснул крепким сном.

А нужно вам сказать, что как раз в этот день англичане праздновали мою победу над испанской армией и на радостях палили из всех пушек.

К пушке, в которой я спал, подошёл пушкарь и выстрелил.

Я вылетел из пушки, как хорошее ядро, и, перелетев на другой берег реки, угодил во двор какого-то крестьянина. К счастью, во дворе было сложено мягкое сено. Я воткнулся в него головой – в самую середину большого стога. Это спасло мне жизнь, но, конечно, я лишился сознания.

Так, без сознания, пролежал я три месяца.

Осенью сено вздорожало, и хозяин захотел продать его. Рабочие окружили мой стог и принялись ворошить его вилами. От их громких голосов я очнулся. Кое-как выкарабкавшись на вершину стога, я покатился вниз и, упав хозяину прямо на голову, нечаянно сломал ему шею, отчего он сразу скончался.

Впрочем, никто особенно не плакал о нём. Он был бесовестный скряга и не платил своим работникам денег. К тому же он был жадный торгаш: продавал своё сено только тогда, когда оно сильно поднималось в цене.

СРЕДИ БЕЛЫХ МЕДВЕДЕЙ

Мои друзья были счастливы, что я оказался в живых.

Вообще у меня было много друзей, и все они нежно любили меня. Можете себе представить, как они обрадовались, когда узнали, что я не убит. Они давно считали меня мёртвым.

Особенно радовался знаменитый путешественник Фиппс, который как раз в это время собирался совершить экспедицию к Северному полюсу.

– Милый Мюнхгаузен, я в восторге, что могу вас обнять! – воскликнул Фиппс, едва я показался на пороге его кабинета. – Вы должны немедленно ехать со мною в качестве моего ближайшего друга! Я знаю, что без ваших мудрых советов мне не будет удачи!

Я, конечно, тотчас согласился, и через месяц мы уже были неподалёку от полюса.

Однажды, стоя на палубе, я заметил вдали высокую ледяную гору, на которой барахтались два белых медведя.

Я схватил ружьё и прыгнул с корабля прямо на плывущую льдину.

Трудно было мне карабкаться по гладким, как зеркало, ледяным утёсам и скалам, ежеминутно скатываясь вниз и рискуя провалиться в бездонную пропасть, но, несмотря на препятствия, я добрался до вершины горы и подошёл почти вплотную к медведям.

И вдруг со мною случилось несчастье: собираясь выстрелить, я поскользнулся на льду и упал, причём стукнулся головой об лёд и в ту же минуту лишился сознания.

Когда через полчаса сознание вернулось ко мне, я чуть не вскрикнул от ужаса: огромный белый медведь подмял меня под себя и, разинув пасть, готовился поужинать мною.

Ружьё моё лежало далеко на снегу.

Впрочем, ружьё было тут бесполезно, так как медведь всей своей тяжестью навалился мне на спину и не давал шевельнуться.

С большим трудом я вытащил из кармана мой маленький перочинный ножик и, не долго думая, отрезал медведю три пальца на задней ноге,

Он заревел от боли и на минуту выпустил меня из своих страшных объятий.

Воспользовавшись этим, я со своей обычной храбростью подбежал к ружью и выстрелил в лютого зверя. Зверь так и рухнул в снег.

Но этим не кончились мои злоключения: выстрел разбудил несколько тысяч медведей, которые спали на льду недалеко от меня.

Вы только представьте себе: несколько тысяч медведей! Они всей оравой направились прямо ко мне. Что мне было делать? Ещё минута – и я буду растерзан свирепыми хищниками. И вдруг меня осенила блестящая мысль. Я

схватил нож, подбежал к убитому медведю, содрал с него шкуру и напялил её на себя. Да, я напялил на себя шкуру медведя! Медведи обступили меня. Я был уверен, что они вытащат меня из моей шкуры и разорвут на клочки. Но они обнюхивали меня и, приняв за медведя, мирно отошли один за другим.

Скоро я научился рычать по-медвежьи и сосал свою лапу, совсем как медведь.

Звери отнеслись ко мне очень доверчиво, и я решил воспользоваться этим.

Один доктор рассказывал мне, что рана, нанесённая в затылок, причиняет мгновенную смерть.

Я подошёл к ближайшему медведю и вонзил ему свой нож прямо в затылок. Я не сомневался, что, если зверь уцелеет, он немедленно растерзает меня. К счастью, мой опыт удался. Медведь пал мёртвым, не успев даже вскрикнуть.

Тогда я решил тем же способом разделаться и с остальными медведями. Это мне удалось без большого труда. Хотя они видели, как падали их товарищи, но так как они принимали меня за медведя, то и не могли догадаться, что их убиваю я.

В какой-нибудь час я уложил несколько тысяч медведей.

Совершив этот подвиг, я вернулся на корабль к моему приятелю Фиппсу и рассказал ему всё.

Он предоставил мне сотню самых дюжих матросов, и я

повёл их на льдину. Они содрали шкуры с убитых медведей и перетащили медвежьи окорока на корабль.

Окороков было так много, что корабль не мог двинуться дальше. Нам пришлось вернуться домой, хотя мы не доехали до места своего назначения.

Вот почему капитан Фиппс так и не открыл Северного полюса.

Впрочем, мы не жалели об этом, потому что медвежье мясо, привезённое нами, оказалось удивительно вкусным.

ВТОРОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ НА ЛУНУ

Вернувшись в Англию, я дал себе слово никогда больше не предпринимать никаких путешествий, но не прошло и недели, как мне понадобилось снова отправиться в путь.

Дело в том, что один мой родственник, человек молодой и богатый, вбил себе почему-то в голову, будто на свете существует страна, в которой живут великаны.

Он просил меня непременно отыскать для него эту страну и в награду обещал оставить мне большое наследство. Уж очень хотел посмотреть великанов!

Я согласился, снарядил корабль, и мы отправились в Южный океан.

По пути мы не встретили ничего удивительного, кроме нескольких летающих женщин, которые порхали по воздуху, как мотыльки. Погода была превосходная.

Но на восемнадцатый день поднялась ужасная буря.

Ветер был такой сильный, что вскинул наш корабль над водой и понёс его, как пушинку, по воздуху. Всё выше, и выше, и выше! Шесть недель носились мы над самыми высокими тучами. Наконец увидели круглый сверкающий остров.

Это, конечно, была Луна.

Мы нашли удобную гавань и вышли на лунный берег. Внизу, далеко, далеко, мы увидели другую планету – с го-

родами, лесами, горами, морями и реками. Мы догадались, что это – покинутая нами Земля.

На Луне нас окружили какие-то огромные чудовища, сидевшие верхом на трёхголовых орлах. Эти птицы заменяют жителям Луны лошадей.

Как раз в то время лунный царь вёл войну с императором Солнца. Он тотчас же предложил мне стать во главе его армии и повести её в бой, но я, конечно, наотрез отказался.

На Луне всё гораздо больше, чем у нас на Земле.

Мухи там величиною с овец, каждое яблоко не меньше арбуза.

Вместо оружия жители Луны употребляют редьку. Она заменяет им копья, а когда нет редьки, они сражаются голубиными яйцами. Вместо щитов они употребляют грибы-мухоморы.

Видел я там нескольких жителей одной далёкой звезды. Они приезжали на Луну для торговли. Их лица были похожи на собачьи морды, а их глаза находились или на кончике носа, или внизу под ноздрями. У них не было ни век, ни ресниц, и, ложась спать, они закрывали глаза языком.

Тратить время на еду лунным жителям никогда не приходится. В левой стороне живота есть у них особая дверца: они открывают её и кладут туда пищу. Потом закрывают дверцу до другого обеда, который у них бывает раз в месяц. Они обедают всего двенадцать раз в году!

Это очень удобно, но вряд ли земные обжоры и лакомки согласились бы обедать так редко.

Лунные жители вырастают прямо на деревьях. Эти деревья очень красивые, у них ярко-пунцовые ветви. На ветвях растут огромные орехи с необыкновенно крепкой скорлупой.

Когда орехи созреют, их осторожно снимают с деревьев и кладут на хранение в погреб.

Чуть только царю Луны понадобятся новые люди, он приказывает бросить эти орехи в кипящую воду. Через час орехи лопаются, и из них выскакивают совсем готовые лунные люди. Этим людям не приходится учиться. Они сразу рождаются взрослыми и уже знают своё ремесло.

Из одного ореха выскакивает трубочист, из другого – шарманщик, из третьего – мороженщик, из четвертого – солдат, из пятого – повар, из шестого – портной.

И каждый немедленно принимается за своё дело. Трубочист взбирается на крышу, шарманщик начинает играть, мороженщик кричит: «Горячее мороженое!» (потому что на Луне лёд горячее огня), повар бежит на кухню, а солдат стреляет в неприятеля.

Состарившись, лунные люди не умирают, но тают в воздухе, как дым или пар.

На каждой руке у них один-единственный палец, но работают они им так же ловко, как мы пятернёй.

Голову свою они носят под мышкой и, отправляясь в путешествие, оставляют её дома, чтобы она не испортилась в дороге.

Они могут совещаться со своей головой, даже когда находятся далеко от неё! Это очень удобно.

Если царь пожелает узнать, что думает о нём его народ, он остаётся дома и лежит на диване, а его голова незаметно пробирается в чужие дома и подслушивает все разговоры.

Виноград на Луне ничем не отличается от нашего.

Для меня нет никакого сомнения, что град, который падает порою на землю, есть этот самый лунный виноград, сорванный бурей на лунных полях.

Если вы хотите попробовать лунного вина, соберите несколько градин и дайте им хорошенько растаять.

Лунным жителям живот служит вместо чемодана. Они могут закрывать и открывать его, когда им вздумается, и класть в него всё, что угодно. У них нет ни желудка, ни печени, ни сердца, так что внутри они совсем пустые.

Глаза свои они могут вынимать и вставлять. Держа глаз, они видят им так хорошо, как будто он у них в голове. Если глаз испортится или потеряется, они идут на базар и покупают себе новый. Поэтому на Луне очень много людей, которые торгуют глазами. Там то и дело читаешь на вывесках: «Дёшево продаются глаза. Большой выбор оранжевых, красных, лиловых и синих».

Каждый год у лунных жителей новая мода на цвет глаз. В тот год, когда я был на Луне, в моде считались зелёные и жёлтые глаза.

Но почему вы смеётесь? Неужели вы думаете, что я говорю вам неправду? Нет, каждое моё слово есть чистейшая истина, а если вы не верите мне, отправляйтесь сами на Луну. Там вы увидите, что я ничего не выдумываю и рассказываю вам одну только правду.

СЫРНЫЙ ОСТРОВ

Не моя вина, если со мною случаются такие диковины, которых ещё не случилось ни с кем.

Это потому, что я люблю путешествовать и вечно ищу приключений, а вы сидите дома и ничего не видите, кроме четырёх стен своей комнаты.

Однажды, например, я отправился в дальнейшее плавание на большом голландском корабле. Вдруг в открытом океане на нас налетел ураган, который в одно мгновение сорвал у нас все паруса и поломал все мачты.

Одна мачта упала на компас и разбила его вдребезги.

Всем известно, как трудно управлять кораблём без компаса. Мы сбились с пути и не знали, куда мы плывём.

Три месяца нас бросало по волнам океана из стороны в сторону, а потом унесло неизвестно куда, и вот в одно прекрасное утро мы заметили необыкновенную перемену во всём. Море из зелёного сделалось белым. Ветерок доносил какой-то нежный, ласкающий запах. Нам стало очень приятно и весело.

Вскоре мы увидели пристань и через час вошли в просторную глубокую гавань. Вместо воды в ней было молоко!

Мы поспешили высадиться на берег и стали жадно пить из молочного моря.

Между нами был один матрос, который не выносил за-

пах сыр. Когда ему показывали сыр, его начинало тошнить. И вот, едва мы высадились на берег, как ему сделалось дурно.

– Уберите у меня из-под ног этот сыр! – кричал он. – Я не хочу, я не могу ходить по сыру!

Я нагнулся к земле и всё понял.

Остров, к которому пристал наш корабль, был сделан из отличного голландского сыра!

Да, да, не смейтесь, я рассказываю вам истинную правду: вместо глины у нас под ногами был сыр.

Мудрено ли, что жители этого острова питались почти исключительно сыром! Но сыру этого не становилось меньше, так как за ночь его вырастало ровно столько, сколько было съедено в течение дня.

Весь остров был покрыт виноградниками, но виноград там особенный: сожмёшь его в кулаке – из него вместо сока течёт молоко.

Жители острова – высокие, красивые люди. У каждого из них по три ноги. Благодаря трём ногам они свободно могут держаться на поверхности молочного моря.

Хлеб здесь растёт печёный, прямо в готовом виде, так что жителям этого острова не приходится ни сеять, ни пахать. Я видел много деревьев, увешанных сладкими медовыми пряниками.

Во время наших прогулок по Сырному острову мы открыли семь рек, текущих молоком, и две реки, текущие густым и вкусным пивом.

Признаюсь, эти пивные реки понравились мне больше молочных.

Вообще, гуляя по острову, мы видели много чудес.

Особенно поразили нас птичьи гнёзда. Они были невероятно огромны. Одно орлиное гнездо, например, было выше самого высокого дома. Оно было всё сплетено из исполинских дубовых стволов. В нём мы нашли пять сотен яиц, каждое яйцо величиною с хорошую бочку.

Мы разбили одно яйцо, и из него вылез птенец, раз в двадцать больше взрослого орла.

Птенец запищал. К нему на помощь прилетела орлица. Она схватила нашего капитана, подняла его до ближайшего облака и оттуда швырнула в море.

К счастью, он был отличный пловец и через несколько часов добрался до Сырного острова вплавь.

В одном лесу я был свидетелем казни.

Островитяне повесили на дереве трёх человек вверх ногами. Несчастные стонали и плакали. Я спросил, за что их так жестоко наказывают. Мне ответили, что они – путешественники, которые только что вернулись из дальнего странствия и бессовестно лгут о своих приключениях.

Я похвалил островитян за такую мудрую расправу с обманщиками, потому что я не выношу никакого обмана и всегда рассказываю одну только чистую правду.

Впрочем, вы, должно быть, и сами заметили, что во всех моих рассказах нет ни одного слова лжи. Ложь мне отвратительна, и я счастлив, что все мои близкие всегда считали меня правдивейшим на Земле человеком.

Вернувшись на корабль, мы тотчас же подняли якорь и отплыли от чудесного острова.

Все деревья, что росли на берегу, словно по какому-то знаку, дважды поклонились нам в пояс и снова выпрямились как ни в чём не бывало.

Растроганный их необыкновенной любезностью, я снял шляпу и послал им прощальный привет.

Удивительно вежливые деревья, не правда ли?

КОРАБЛИ, ПРОГЛОЧЕННЫЕ РЫБОЙ

У нас не было компаса, и поэтому мы долго блуждали по незнакомым морям.

Наш корабль то и дело окружали страшные акулы, киты и другие морские чудовища.

Наконец мы наткнулись на рыбу, которая была так велика, что, стоя возле её головы, мы не могли увидеть её хвоста.

Когда рыба захотела пить, она распахнула пасть, и вода рекой потекла в её глотку, таща за собой наш корабль.

Можете себе представить, какую мы испытали тревогу! Даже я уж на что храбрец, а и то задрожал от страха.

Но в животе у рыбы оказалось тихо, как в гавани. Весь рыбий живот был набит кораблями, давно уже проглоченными жадным чудовищем. О, если бы вы знали, как там темно! Ведь мы не видели ни солнца, ни звёзд, ни луны.

Рыба пила воду дважды в день, и всякий раз, когда вода вливалась в её глотку, наш корабль вздымался на высоких волнах. В остальное время в животе было сухо.

Дождавшись, когда вода схлынула, мы с капитаном сошли с корабля погулять. Тут мы встретили моряков всего мира: шведов, англичан, португальцев... В рыбьем животе их было десять тысяч. Многие из них жили там уже несколько лет. Я предложил собраться вместе и обсудить план освобождения из этой душной тюрьмы.

Меня выбрали председателем, но как раз в ту минуту, когда я открыл собрание, проклятая рыба начала снова пить, и мы все разбежались по своим кораблям.

На другой день мы снова собрались, и я внёс такое предложение: связать две самые высокие мачты и, как только рыба откроет рот, поставить их торчком, чтобы она не могла сдвинуть челюсти. Тогда она так и останется с разинутой пастью, и мы свободно выплывем наружу.

Моё предложение было принято единогласно.

Двести самых дюжих матросов установили во рту у чудовища две высочайшие мачты, и оно не смогло закрыть рот. Корабли весело выплыли из брюха в открытое море. Оказалось, что в брюхе этой громадины было семьдесят пять кораблей. Можете себе представить, какой величины было туловище!

Мачты мы, конечно, так и оставили в разинутой пасти рыбы, чтобы она больше никого не могла проглотить.

Освободившись из плена, мы, естественно, пожелали знать, где мы находимся. Оказалось – в Каспийском море. Это очень удивило нас всех, потому что Каспийское море

закрытое: оно не соединяется ни с какими другими морями.

Но трёхногий ученый, которого я захватил на Сырном острове, объяснил мне, что рыба попала в Каспийское море через какой-нибудь подземный канал.

Мы направились к берегу, и я поспешил на сушу, заявив своим спутникам, что больше никогда и никуда не поеду, что с меня довольно и тех передрыг, которые я испытал в эти годы, а теперь я хочу отдохнуть.

Мои приключения порядком утомили меня, и я решил зажить спокойной жизнью.

СХВАТКА С МЕДВЕДЕМ

Но как только я вылез из лодки, на меня набросился огромный медведь.

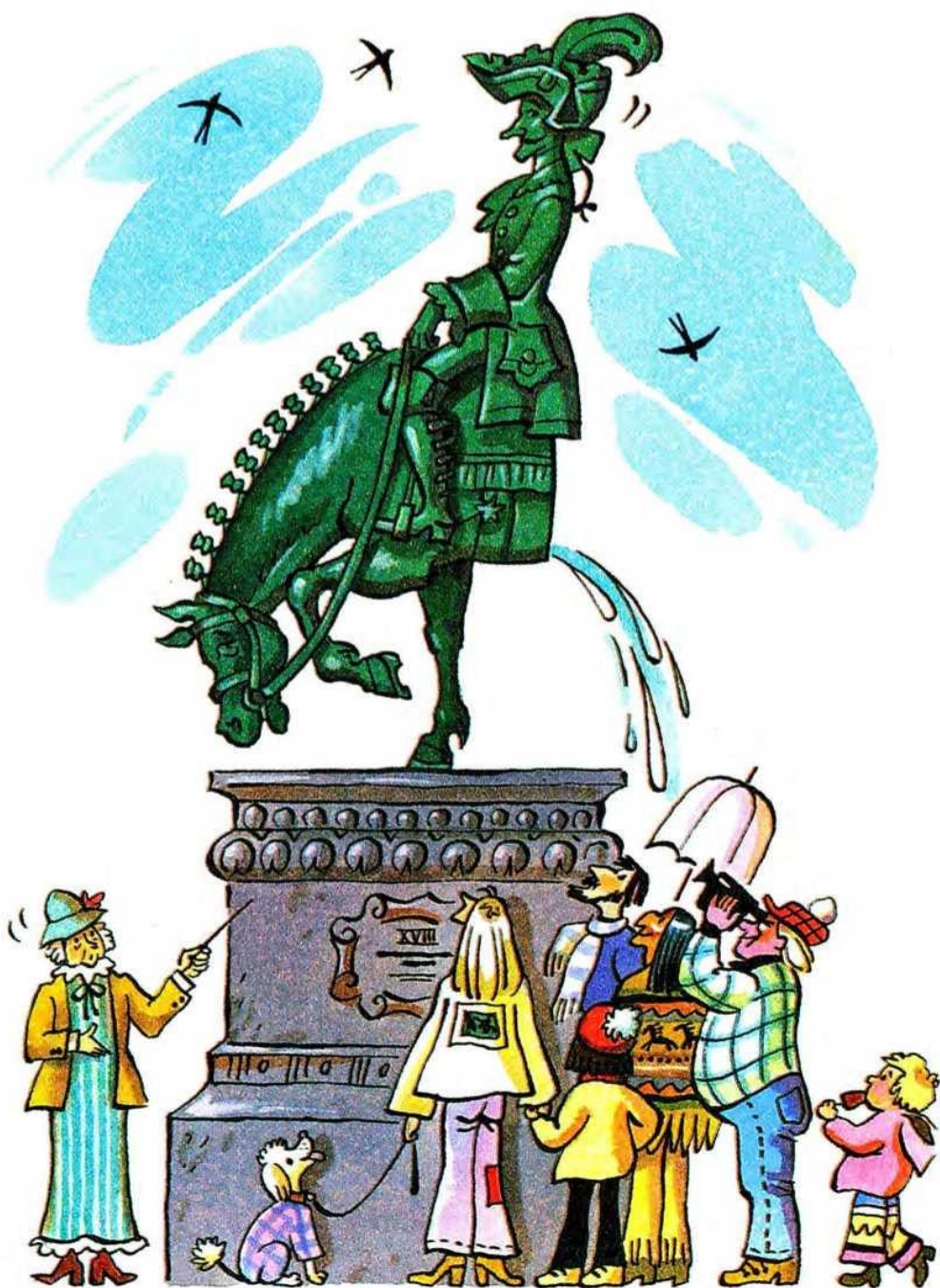
Это был чудовищный зверь необыкновенных размеров.

Он растерзал бы меня в одно мгновение, но я схватил его за передние лапы и так сильно сжал их, что медведь заревел от боли.

Я знал, что, если я отпущу его, он немедленно растерзает меня, и потому держал его лапы три дня и три ночи, пока он не умер от голода. Да, он умер от голода, так как медведи утоляют свой голод лишь тем, что сосут свои лапы.

А этот медведь никак не мог пососать своих лап и потому погиб голодной смертью.

С тех пор ни один медведь не решается напасть на меня.

Серия «Школьная библиотека»
Рудольф Эрих Распе
ПРИКЛЮЧЕНИЯ БАРОНА МЮНХГАУЗЕНА

Для среднего школьного возраста

Пересказ Корнея Чуковского

Художник

Подвилова Ольга Васильевна

Главный редактор А. Алир
Технический редактор М.В.Юдаева
Компьютерная вёрстка Д.А.Володин
Корректор С.П.Мосейчук
Ответственный за выпуск В.Н.Базиков

Подписано в печать 09.07.2013.

Формат 60x90 1/16. Усл. п. л. 6.

Гарнитура «Ньютон».

Тираж 20 000 экз. Заказ № 1502.

Издательство «Самовар»

125047, Москва, ул. Александра Невского, д.1.

Информация о книгах на сайте www.knigi.ru

Оптовая продажа: ООО «Атберг 98»

(495) 925-51-39 www.atberg.aha.ru

Интернет-магазин: www.books-land.ru

Отпечатано в филиале «Тверской полиграфический комбинат
детской литературы» ОАО «Издательство «Высшая школа».

170040, Тверь, проспект 50 лет Октября, 46.

Тел.: +7(4822)44-85-98. Факс: +7(4822)44-61-51

ЕАС

Артикул К-ШБ-48
ISBN 978-5-9781-0614-5

© Е.Ц.Чуковская, текст.
© Издательство «Самовар»,
серийное оформление.
© РИО «Самовар 1990»,
иллюстрации.

ШКОЛЬНАЯ

БИБЛИОТЕКА

Серия рекомендована
Департаментом
общего среднего образования
Министерства
общего и профессионального образования
Российской Федерации

Художник
Ольга Подвилова

9 785978 106145 >